

ВЛАДА ВЛАДИСЛАВОВНА ВОСТРИКОВА

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии, истории и права заочного факультета экономики, Орловский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Орел, Российская Федерация)

vostr68@mail.ru

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПОЛИТИКИ РОССИИ НАЧАЛА ХХ ВЕКА О ТИПАХ КОНСТИТУЦИОННОГО ГОСУДАРСТВА

Исследуются взгляды российских либералов начала ХХ века на проблему типологии конституционных государств. Показано, что основным критерием типологии либералы считали характер организации политической власти, подразумевая дуалистическую и парламентарную системы, различие между которыми виделось в процедуре назначения правительства и контроля над ним. По форме правления конституционные государства могли быть как монархическими, так и республиканскими. Форма административно-территориального устройства конституционных государств, с точки зрения либералов, предполагала различные степени децентрализации (автономию, областную автономию, федерацию).

Ключевые слова: конституционное государство, дуализм, парламентаризм, монархия, республика, автономия, федерация

Трансформация политической системы постсоветской России актуализировала проблему выбора типа конституционной государственности. Отсюда несомненная своевременность обращения к наработкам отечественной общественной мысли по данной проблематике. Серьезный вклад в осмысление проблемы типологии конституционных государств внесли идеологи российского либерализма начала ХХ века, что обуславливает политico-практическую значимость анализа их взглядов.

Данная проблематика в последнее двадцатилетие привлекала внимание исследователей [2], [3], [4], [5], [6]. Однако, как правило, рассматривались взгляды либеральных юристов [2], [3], [4], что не позволяет говорить об изученности теоретических взглядов идеологов нового российского либерализма, ибо среди последних не все были юристами и не все либеральные юристы участвовали в разработке либеральной идеологии – в «переплавке» теории в программатику. Цель статьи – рассмотрение теоретических воззрений на типологию конституционных государств либералов, непосредственно причастных к разработке в начале ХХ века модели переустройства России. В таком ракурсе обозначенная проблема будет способствовать углублению представлений о сущности данной модели, а также о тактике либеральных партий в начале прошлого века. Источниковой базой послужили труды идеологов нового либерализма по общей теории государства и права, государственному (конституционному) праву, философии права, а также некоторые работы публицистического характера.

Конституционное государство для либералов характеризовалось наличием конституции, га-

рантирующей обеспечение прав и свобод граждан, соблюдение принципа разделения властей, наделение представительного органа законодательной властью. Основным критерием типологии конституционных государств либеральные мыслители считали характер организации политической власти, подразумевая дуалистическую и парламентарную системы. Именно данный параметр, а не форма правления, по их убеждению, имел определяющее значение для реализации конституционных принципов. Как писал Ф. Ф. Кокошкин, «вопрос о форме – это вопрос о горделивой вершине, которая увенчивает пирамиду исполнительной власти; вопрос о существе – это вопрос о самом содержании политического строя»¹. М. М. Ковалевский указывал, что «общность парламентарной системы при солидарной ответственности министерства перед палатами сближает политический строй английской монархии с французскими республиканскими порядками в большей степени, чем делает это наличие народоправства одинаково во Франции и Соединенных Штатах», иными словами, реализация либеральных и демократических принципов зависит прежде всего не от формы правления, а от характера политического строя конституционных государств – дуалистического либо парламентарного [1; 19]. Последовательное осуществление одного или другого принципа, указывали мыслители, фактически сводило к минимуму разницу между монархией и республикой.

Коренное различие между дуалистическими и парламентарными государствами идеологи нового либерализма видели в процедуре назначения правительства и контроля над ним. Если в первых кабинет министров назначался главой

государства единолично, то во вторых глава государства вынужден был советоваться с парламентом. Исходя из этого при дуалистической системе министры оставались у власти, пока были угодны главе государства, при парламентарной – пока удовлетворяли не только его, но и парламент. В. М. Гессен особо подчеркивал ошибочность мнения о том, что в парламентарных государствах правительство всецело зависит от парламента. И в назначении, и в смещении министров, указывал либерал, глава государства играет существенную роль, следует говорить лишь о преобладающем влиянии парламента на состав и политику правительства, за счет чего происходит преодоление дуализма между исполнительной и законодательной властью. Что касается дуалистических государств, то В. М. Гессен предостерегал от абсолютизации тезиса об ответственности правительства перед главой государства, указывая, что и здесь существует контроль парламента над правительством, однако его средства (запросы, интерpellации и самое действенное – вотирование бюджета) недостаточны для предотвращения конфликта между законодательной и исполнительной властью, который вследствие этого может приобрести перманентный характер и, как правило, разрешается распуском парламента. Не случайно В. М. Гессен писал, что «дуалистическое государство живет под дамокловым мечом государственного переворота»². Опасность дуалистической системы российские либералы видели в возможности превращения исполнительной власти в доминирующую при сохранении формальных атрибутов правового дуализма. Тогда формируется квазипарламентаризм – законодательная власть превращается в совещательную.

Анализируя принципы парламентарного режима, либералы уточняли, что назначение правительства парламентским большинством вовсе не означает его однопартийного состава. Идеологи отечественного либерализма начала XX века вообще не склонны были преувеличивать роль политических партий в парламентарной системе. «Сам по себе парламентаризм, – писал С. А. Котляревский, – вовсе не предполагает какой-то гипертрофии партийности: господство безответственных партий противоположно его основному принципу»³. Напротив, подчеркивал Н. И. Лазаревский, для правильного функционирования парламентаризма категорически необходима «дисциплина партий», проявляющаяся в том, что они не свергают правительство, если не имеют твердой уверенности в способности парламентского большинства сформировать новое, более дееспособное⁴. Это, отмечал В. М. Гессен, делает положение правительства в парламентарных государствах гораздо стабильнее, чем в дуалистических, где оно зависит от капризов главы государства. Здоровый парла-

ментаризм – наиболее устойчивая форма организации государственной власти из всех существующих, утверждал он⁵.

Другим фактором устойчивости парламентаризма либеральные идеологи считали двухпартийную систему, ибо она, создавая систему «сдержек и противовесов», одновременно не позволяла власти сыграть на политических комбинациях, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», что часто имело место в условиях наличия множества мелких партий⁶.

Рассматривая такую характеристику парламентаризма, как солидарный характер министерства, идеологи отечественного либерализма начала XX века трактовали ее как объединенность министров одной политической программой, которую они обязуются провести в жизнь в возможно более полном виде⁷. Либералы указывали, что солидарность правительства присуща и дуалистическому государству, однако если там министры солидарно действуют, то в парламентарных государствах они еще и солидарно отвечают за свои действия.

В непосредственной связи с солидарностью министров находился, по мнению либералов, институт ответственности министров, причем характер этой ответственности являлся одним из критериев отличия дуалистических и парламентарных государств. При дуалистической системе, отмечал В. М. Гессен, существует политическая ответственность министров перед главой государства (монархом или президентом) и судебная ответственность перед парламентом, но на практике последняя служит гарантией не столько законности, сколько целесообразности действий правительства⁸. Для парламентарных государств характерно наличие обоих видов министерской ответственности перед парламентом, причем судебная ответственность здесь теряет свое практическое значение и главным средством парламентского контроля становится ответственность политическая. Суть ее заключается в том, что в случае получения министерством вотума недоверия парламента оно немедленно уходит в отставку. Причем при двухпалатной системе отставка правительства является результатом выражения недоверия ему со стороны нижней палаты, что, по мнению С. А. Котляревского, свидетельствует о возрастании роли народных масс в политической жизни, ибо нижняя палата формируется на основе всенародного голосования. Это позволило либералу определить парламентаризм как режим обязательной политической солидарности между правительством и органом, который признается авторитетным выражителем народного мнения⁹.

Процедурой назначения правительства и контроля над ним (включая организацию ответственности министров), по мнению либералов, исчерпывались сущностные различия между дуалистическими и парламентарными государ-

твами. Вместе с тем различия эти были достаточно серьезны, чтобы идеологи российского либерализма акцентировали внимание именно на парламентаризме как наиболее адекватном способе согласования интересов различных ветвей власти с точки зрения планомерного функционирования конституционализма. При парламентаризме, подчеркивали они, устанавливался определенный консенсус между главой государства (монархом, президентом) и парламентским большинством, минимизировались поводы для конфликта между правительством и парламентом, а оппозиция приобретала конструктивный характер, ведь в случае отставки правительства ее представители могли сами встать у кормила власти, и тогда им бы пришлось на практике доказывать справедливость своих требований¹⁰. По выражению С. А. Котляревского, парламентское государство в политическом плане более конституционно, чем дуалистическое¹¹. Кроме того, именно парламентаризм, с точки зрения мыслителей, позволял реализовать важнейшие принципы либерализма – права и свободы личности и участие граждан в политической жизни.

По вопросу о совместимости парламентской системы и принципа разделения властей мнения либеральных идеологов разошлись. М. М. Ковалевский давал отрицательный ответ, утверждая, что все три власти при парламентаризме «фактически исходят от народа»: законодательная (парламент – представители народа), исполнительная (правительство – комиссия народного представительства), судебная (присяжные заседатели)¹². Ф. Ф. Кокошкин категорически возражал против восприятия министров как простых исполнителей воли парламентского большинства. По убеждению либерала, они скорее играют роль его руководителей. Отставка правительства при выражении недоверия ему со стороны нижней палаты – не единственный вариант исхода конфликта между исполнительной и законодательной властью. Если министерство, с одной стороны, находит опору в главе государства, а с другой, рассчитывает на поддержку общественного мнения, возможен и иной выход: оставление у власти министерства и роспуск парламента. Возможна даже смена министерства, пользуясь доверием парламента, и одновременный роспуск последнего, если глава правительенной власти находит, что вследствие изменения настроений страны народные представители не являются более его выразителями. Таким образом, заключал либерал, между фактами и представлением о парламентском министерстве как о комиссии большинства нижней палаты лежит целая пропасть. Правительство в достаточной мере самостоятельно в своей деятельности, которая, безусловно, носит подзаконный характер¹³. Другое дело, уточнял Ф. Ф. Кокошкин, что в рамках парламентской системы разделение властей проводится менее жестко, нежели в ус-

ловиях дуалистических государств, здесь теснее устанавливается взаимодействие исполнительной и законодательной власти.

П. И. Новгородцев, анализируя тенденции развития парламентаризма, отмечал усиление самостоятельности правительства и уменьшение политического значения парламента. Однако он считал некорректным определять этот процесс как «кризис парламентаризма», ибо усиление исполнительной власти, по его мнению, шло параллельно с установлением ее непосредственной связи с избирателями¹⁴.

Отечественные либеральные идеологи рассматривали парламентаризм как систему «политического релятивизма», обладавшую способностью приспособления к специфике отдельных государств. Парламентаризм «не представляет собой совокупности точных юридических правил, а является чрезвычайно сложной, тонкой и гибкой системой фактического приспособления конституционных начал к действительной политической жизни», – писал Ф. Ф. Кокошкин¹⁵.

Отдавая предпочтение парламентарной системе, либералы вместе с тем отмечали, что становление того или иного типа конституционного государства есть результат взаимодействия целого ряда факторов: исторических традиций, отражающихся в уровне и особенностях политической культуры населения, степени развитости партийной системы, наконец, расстановки политических сил в момент формирования конституционализма. Дуалистический тип государства, указывали они, как правило, формируется в тех политических культурах, где традиционно сильны позиции монархического начала. Вместе с тем большое значение имеет и способ возникновения конституции: договорный или октроированный. По наблюдению С. А. Котляревского, политический дуализм был характерен для окториованных конституций¹⁶.

Господствующей тенденцией развития конституционных государств либералы считали переход от дуалистической системы к парламентарной. Данное убеждение повлияло на позицию представителей радикального крыла либерализма в отношении российских реформ: их продолжение увязывалось прежде всего с концепцией ответственного перед Думой министерства.

По форме правления либералы делили конституционные государства на монархические и республиканские, акцентируя внимание на конституционной монархии как политическом типе, который придет на смену абсолютизму в ходе модернизации России. По их мнению, республика давала большие возможности, чем монархия, для реализации принципов конституционализма только при условии парламентарного устройства. Как указывал Г. Ф. Шершеневич, в президентской республике президент – смягченная форма короля¹⁷.

Либералы предостерегали от попыток практического воплощения республиканских начал без наличия необходимых социальных предпосылок. «Республика не является высшим идеалом, годным для всех времен и народов», — писал П. Н. Милюков¹⁸. Важнейшей предпосылкой для ее введения они считали доминирование в общественном сознании демократических ценностей. «Республика не может утвердиться там, где общество, в значительной своей массе, не достигло политической зрелости, не усвоило сознание ответственности за судьбу государства и направление государственной деятельности», — настаивал Г. Ф. Шершеневич¹⁹. Но даже при наличии необходимых предпосылок переход от монархии к республике расценивался как кризисный период, сопряженный с ослаблением психологического влияния власти ввиду утраты ею иррационального обоснования. Как писал С. А. Котляревский, монархия в значительной степени базируется на иррационализме, в народном сознании она слишком тесно связана «с историческими верованиями и переживаниями, с национальными заслугами династии... не покрывающимися утилитарными соображениями о политической целесообразности», поэтому монархия остается символом государственного единства даже тогда, когда фактически становится препятствием общественного прогресса²⁰. Власть выборная лишена иррациональной поддержки, она вынуждена опираться исключительно на рациональные мотивы и, главным образом, на гражданское сознание необходимости порядка и власти вообще, которые далеко не всегда оказываются равными по силе мотивам иррациональным. Народные представители и президент, воспринимаемые населением как его выдвиженцы, лишены мистического авторитета монарха. Отсюда замечание Г. Ф. Шершеневича о том, что «легко... выставить требование республики, легко даже, при взрыве народного негодования, ввести ее, но труднее всего ее удержать»²¹.

Следует отметить, что представители консервативного крыла либерализма критически относились к республике, считая оптимальной формой правления для конституционного государства монархию. Конституционная монархия, отмечал В. И. Герье, «ограничивая и смягчая монархический принцип, сохраняет вместе с тем преимущества, присущие монархическому образу правления»²². При этом либералы имели в виду дуалистическую монархию, в которой глава государства обладает достаточными полномочиями, чтобы играть роль надпартийной, надклассовой, умиротворяющей силы, действующей в интересах государства²³. В парламентарной монархии, по мнению представителей консервативного сегмента либерализма, в результате резкого ограничения монархической

власти государственное управление сосредотачивается у партий, неизбежным следствием чего является политическая нестабильность²⁴.

В основу типологии форм административно-территориального устройства конституционных государств либеральными теоретиками было положено распределение власти между центром и периферией. Либералы указывали, что конституционные государства не могут быть строго централизованными, ибо это противоречит конституционным принципам. Исходя из степени децентрализации выделялись автономии, областные автономии и федерации.

Автономия (административная децентрализация) трактовалась как предоставление центром функций самоуправления отдельным регионам, деятельность которых, однако, определялась общегосударственным законодательством. Эти самоуправляющиеся союзы, являясь отдельными от государства юридическими лицами, имели свои выборные органы, не подчиненные безусловно центральным государственным органам, а лишь подлежащие контролю со стороны последних²⁵. Областная автономия (законодательная децентрализация) предполагала дальнейшее развитие принципа децентрализации — предоставление отдельным частям государства (автономной области или краю) возможности иметь свои законодательные собрания, обладающие правом издания местных законов совместно с центральной властью. Автономные области не наделялись государственным суверенитетом, а получали частичную политическую самостоятельность в рамках единого государства²⁶.

Федерация определялась как государственно-правовой союз — сложное государство, субъекты которого (отдельные государства) подчиняются власти единого федерального центра. При федеративной системе власть составляющих ее государств самостоятельна, но не суверенна²⁷.

Проводя грань между областной автономией и федерацией, Ф. Ф. Кокошкин указывал, что их сходство ограничивалось наличием, наряду с общегосударственным представительством, местных законодательных собраний, тогда как различие пролегало в двух плоскостях. Во-первых, субъекты федерации помимо местных законодательных собраний имеют особые, независимые от центра, органы административной власти. А во-вторых, в федерации издание местных законов является исключительной прерогативой ее субъектов, тогда как в государствах с автономным устройством местное законодательство построено на началах взаимодействия провинциальных органов с центральной властью: законодательные акты, принятые на местах, чтобы вступить в законную силу, должны быть утверждены центральной властью.

Сравнивая федерацию с конфедерацией, Ф. Ф. Кокошкин главное отличие видел в том,

что члены федерации теряют свой суверенитет, а вместе с тем право выхода из федерации актом своей односторонней воли²⁸. Таким образом, в отечественной либеральной мысли была обоснована модель федерации, исключающая право сепрессии для ее субъектов. Что касается критерия выделения субъектов федерации, то большинство либералов не склонны были увязывать их с нациями и этносами, утверждая, что это чревато национальным сепаратизмом и распадом государства.

Идеологи либерализма категорически возражали против утверждения, будто децентрализация стимулирует центробежные тенденции и неизбежно ведет к распаду государства. Единство государства, указывал, в частности, Ф. Ф. Кокошкин, юридически заключается не в централизации, не в административном и законодательном единстве, а в верховенстве центральной государственной власти. Средством для поддержания государственного единства является единство армии, внешней политики и финансов. Но «главная и наиболее прочная опора государства единства и могущества лежит в области народной психологии, в сознании всем населением общности его политических интересов», которая не может возникнуть в условиях подавления общественной инициативы²⁹. Н. И. Лазаревский указывал, что для единства государства страшна не автономия, а отказ в ней, если потребность назрела³⁰.

При установлении пределов децентрализации либералы считали необходимым учитывать множество факторов, так что разные административно-территориальные единицы одного и того же государства могут разниться широтой компетенции органов местного самоуправления³¹.

В исторической перспективе идеологи отечественного либерализма допускали, что самым распространенным типом административно-территориального деления конституционных государств станет федерация, позволяющая сочетать выгоды мелкого государства, в котором демократия мыслима с большей безопасностью, обеспечиваемой значительностью территории и населения федеративного государства³².

Таким образом, либералы начала XX века предложили типологию конституционных государств по трем критериям: характер организации политической власти, форма правления, административно-территориальное устройство. Их научные исследования стали теоретическим фундаментом для конструирования либеральной модели переустройства России в начале XX века. При построении ее кадетского варианта был взят за основу тезис о первоочередной важности для реализации конституционных принципов характера организации политической власти. Отсюда стержневым элементом конституционного государства в кадетской интерпретации стала парламентарная система. Кадеты вплоть до марта 1917 года считали политически целесообразным ее сочетание с монархической формой правления, хотя были сторонниками республики³³.

Октябристы, считавшие сохранение монархии как традиционного стержня российской государственности вопросом принципа, настаивали на дуалистической модели, дававшей возможность монарху продолжать играть важную роль в государственном управлении³⁴.

Исходя из теоретически возможных вариантов административно-территориального устройства конституционного государства кадеты выступали за постепенное введение в Российской империи административной или законодательной децентрализации в зависимости от особенностей получающих ее территориальных единиц³⁵, а октябристы допускали только распространение местного самоуправления на всю территорию страны³⁶. Крайне осторожный подход либералов в данном случае обусловливался стремлением сохранить единое Российское государство.

В целом же, соглашаясь с мнением В. В. Шелояхова [7; 261], можно утверждать, что либералам, прежде всего кадетам, в начале XX века удалось предложить достаточно последовательную и целостную модель переустройства России на принципах конституционализма, учитывавшую национальные особенности страны и обладавшую потенциалом для дальнейшей трансформации в зависимости от изменения исторической ситуации. Однако в силу целого ряда причин данная модель не смогла реализоваться на практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кокошкин Ф. Ф. Республика. Пг.: Синодальная тип., 1917. С. 5.

² Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг.: Юрид. кн. скл. «Право», 1917. С. 417.

³ Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. М.: Тип. «Мысль», 1915. С. 314.

⁴ Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1908. С. 509.

⁵ Гессен В. М. Указ. соч. С. 431.

⁶ Ковалевский М. М. Общее конституционное право. Лекции, читанные в СПб университете и Политехникуме. 1907–1908. СПб.: Изд. студента Н. П-м, 1908. С. 24; Милков П. Н. Связь между идеями «кабинета» и «политической партии» // Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1907. С. 488.

⁷ Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 351.

⁸ Гессен В. М. Указ. соч. С. 408–409.

⁹ Котляревский С. А. Сущность парламентаризма. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. С. 12–13, 15.

¹⁰ Шершеневич Г. Ф. Конституционная монархия. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. С. 20–21.

¹¹ Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политico-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 208.

¹² Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 358–359.

- ¹³ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. Изд-е 2. М.: Изд. бр. Башмаковых, 1912. С. 258.
- ¹⁴ Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1909. С. 168–170.
- ¹⁵ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. С. 258–259.
- ¹⁶ Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политики-морфологического обзора. С. 205, 207.
- ¹⁷ Шершеневич Г. Ф. Философия права. Т. 1. Часть теоретическая. Общая теория права. Вып. 1. М., 1910. С. 270.
- ¹⁸ Милюков П. Н. Республика или монархия? Париж: Изд-е Республиканско-демократического объединения, 1929. С. 4.
- ¹⁹ Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 50.
- ²⁰ Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политики-морфологического обзора. С. 180.
- ²¹ Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве. С. 51.
- ²² Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России. М.: Тип. «Русского голоса» (Н. Л. Казецкого), 1906. С. 12.
- ²³ Герье В. И. Указ. соч. С. 13; Шилов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: РОССПЭН, 2007. С. 425.
- ²⁴ Герье В. И. Указ. соч. С. 26.
- ²⁵ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. С. 305.
- ²⁶ Там же. С. 305–306.
- ²⁷ Там же. С. 301.
- ²⁸ Там же. С. 303.
- ²⁹ Кокошкин Ф. Ф. Областная автономия и единство России. М.: Тип. О. Л. Сомовой, 1905. С. 12.
- ³⁰ Лазаревский Н. И. Автономия. СПб.: Типо.-лит. А. Г. Розена, 1906. С. 19.
- ³¹ Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. С. 272.
- ³² Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 421.
- ³³ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М.: РОССПЭН, 1995. С. 326.
- ³⁴ Там же. С. 342.
- ³⁵ Там же. С. 329.
- ³⁶ Там же. С. 343.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалевский М. М. Прогресс // Избранные труды: В 2 ч. М.: РОССПЭН, 2010. Ч. 2. С. 7–42.
2. Корнев В. Н. Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца 19 – начала 20 в. М., 2005. 337 с.
3. Кудинов О. А. Развитие конституционно-правовых теорий российскими государствоведами в XIX – начале XX вв. М.: Сотиум, 2000. 181 с.
4. Мамитова Н. В. Либеральные концепции конституционного государства в России (конец XIX – начало XX вв.). М.: Моск. гос. ун-т коммерции, 2001. 127 с.
5. Медушевский А. Н. Владимир Матвеевич Гессен // Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 5–36.
6. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1998. 654 с.
7. Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М.: РОССПЭН, 1996. 280 с.

Vostrikova V. V., Orel Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation
(Orel, Russian Federation)

EARLY XX CENTURY LIBERAL POLITICIANS OF RUSSIA ON TYPES OF CONSTITUTIONAL STATES

The article examines the views of the Russian liberals of the early XX century on the problem of typology of constitutional states. The author shows that the main typology criterion considered by the liberals was the nature of political power organization. Such structure implied dualistic and parliamentary systems. The difference between these determinants was seen in the appointment of the government and control exercised over it. The form of the constitutional states could be both monarchical and republican. The form of the administrative-territorial structure of the constitutional states, from the standpoint of the liberals, assumed different degrees of decentralization (autonomy, regional autonomy, federation).

Key words: constitutional state, dualism, parliamentarism, responsibility of the government, monarchy, republic, autonomy, federation

REFERENCES

1. Kovalevskiy M. M. Progress [Progress]. Kovalevskiy M. M. Izbrannye trudy v 2 ch. [Selected Works in 2 books]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. Part 2. P. 7–42.
2. Kornev V. N. Problemy teorii gosudarstva v liberal'noy pravovoy mysli Rossii kontsa 19 – nachala 20 v. [Problems of the theory of the state in liberal legal thought Russia in Russian legal liberal thinking of the late XIX – early XX centuries]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2005. 337 p.
3. Kudinov O. A. Razvitiye konstitutsionno-pravovykh teoriy rossiyskimi gosudarstvovedami v XIX – nachale XX vv. [Development of constitutional and legal theories by Russian states in the XIX – early XX centuries]. Moscow, Sotsium Publ., 2000. 181 p.
4. Mamitova N. V. Liberal'nye kontseptsii konstitutsionnogo gosudarstva v Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.) [Liberal concept of constitutional government in Russia (late XIX – early XX centuries)]. Moscow, Moscow State University of Commerce, 2001. 127 p.
5. Medushevskiy A. N. Vladimir Matveevich Gessen [Vladimir Matveevich Gessen]. Gessen V. M. Osnovy konstitutsionnogo prava [Gessen V. M. Foundations of Constitutional rights]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. P. 5–36.
6. Medushevskiy A. N. Demokratiya i avtoritarizm: rossiyskiy konstitutsionalizm v srovnitel'noy perspektive [Democracy and Authoritarianism: Russian constitutionalism in comparative perspective]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 654 p.
7. Shelokhov V. V. Liberal'naya model' pereustroystva Rossii [The liberal model of transformation of Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 280 p.

Поступила в редакцию 21.11.2013